

Алексей Колесников

ЭКСПРОПРИАЦИЯ

ЛИТЕРАТУРНАЯ МАТРИЦА
Санкт-Петербург

УДК 821.161.1-32
ББК 84 (2Рос-Рус)6
КТК 610
К 60

Колесников А.

К 60 Экспроприация : рассказы / Алексей Колесников. – Санкт-Петербург : Литературная матрица, 2024. – 304 с.

«Экспроприация» – дебютная книга писателя из Белгорода Алексея Колесникова, в 2022 году ставшего лауреатом литературной премии «Лицей». Основное содержание рассказов, вошедших в сборник, – реальность наших дней, как её видит, понимает и оценивает поколение сегодняшних тридцатилетних. Автор беспристрастно и внимательно смотрит на вещи, которые не всем бросаются в глаза и мимо которых мы подчас проходим, не достаивая взгляда. Это обострённое авторское восприятие позволяет понять, насколько в действительности хрупка наша жизнь и насколько ничтожно расстояние от щенячьего восторга перед ней до холодной бездны отчаяния.

ISBN 978-5-6049652-5-2

litmatrix.ru

© ООО «Литературная матрица», 2023
© ООО «Литературная матрица», макет, 2023
© А. Веселов, оформление, 2023

Посвящается моим родителям

СЕРЬГИ С БРИЛЛАМИ

В пятнадцать я хотел убить человека.

Никакой бы тогда литературы!

Я знал поэта с какими-нибудь тридцатью читателями, которого судили за распространение наркоты. Бедняга умолял о снисхождении. Обещал быть полезным на свободе, подразумевая свои стишки под Бродского.

– Я – поэт! – кричал он из клетки. – Это опыт! Из него будут стихи. Они помогут людям.

Поэты не торгуют синтетикой. Его посадили на семь лет.

У неё было бодрое имя. Здесь будет Мирой.

В Платоновск Мира переехала с мамой и отчимом. Я заметил её первого сентября на линейке, когда неистовствовал гимн.

Странно – с такими ногами – она на физре не могла перепрыгнуть через «козла». Подбегала, шлёпала его по задку, невысоко отрывалась от пола и замирала, как примагниченная.

Я стеснялся ухаживать открыто. Казалось, что любовь – это позорная слабость.

Мы лишь иногда вместе возвращались домой. Переходили железную дорогу, потом брели вдоль кирпичных стен разрушенного завода, спускались к зеленеющему пруду и там курили под ивой, слушая лягушечьи вопли. Ветви дерева и чернозём под ногами там никогда не просыхали. Самое влажное место в Платоновске.

Мира восхищалась отчимом. Говорила, что он делает «солнышко» на турнике и по воскресеньям покупает матери хризантемы. Я ревновал.

Они снимали квартиру в двухэтажном бараке. Мечтали выкупить и отремонтировать. Под окнами грядки с луком и покаты́й тротуар с «классиками».

В «Венецию» – единственное питейное заведение – меня не пускали родители. Там тусовались одиночки всех возрастов: от школьников до пенсионеров. Во мраке бильярдного зала, с жирным блеском на губах, жались по углам мои одноклассницы, пахнущие пивом и табаком. Оправляя свитера на животах, их разглядывали мужики.

Зимой тепло, а в межсезонье сухо. Болтали у гардероба, трахались на заднем дворе, дрались прямо у входа.

Литературу в 2009 году вёл молодой учитель, приехавший из города. Назову его Конев за энергичность. Он снимал домик на моей улице, поэтому мы познакомились ещё в июле. Летом он горо-

дил летний душ. Я помогал: придерживал доски, пока он лупил по гвоздям.

Вечерами Конев одиноко гулял по посёлку, на выходных пил, в праздники уезжал куда-то. Держался просто, репрессий не применял. Впрочем, пару раз орал на нас. Запугивал на будущее. О себе не распространялся, а нас допрашивал как следователь. Это утомляло.

Вторая пятница сентября. Душно, как под периной. Пот выкипает стаканами, заливая тетради. Конев рассказывает о Горьком. Мы увлечены. Домашнее задание не спрашивает.

– Всё равно вы не читали.

– Не все, – возражаю я.

Мы что-то обсуждаем. Волнуюсь, пересказывая сюжет «Караморы». Учитель меня прерывает:

– Остальным скучно. Нам придётся подстроиться и перестать. Странно, да? Садись. И почитай ещё... – Диктует список.

Меня поразила история о том, как Горький вступился за женщину, побиваемую камнями. Ведь знал, что и сам получит, – отчаянное мужество.

– Как тебе про Горького? – спросил я Миру.

Она ступала на желтеющую травку стадиона изящными кедами, а я плёлся следом, неся в руках пахнущий потом пиджак.

– Про женщину страшно! – остановившись, сказала она. – Всем селом бьют, а никто не заступается! – И сразу: – Как тебе мои кеды? На выходных купила.

– Сама купила?

– Ну, отчим. У меня под них джинсы. Жалко, в школу нельзя!

Под нашей ивой оказался забалдевший в пламени солнца рыбак с бесконечной сигаретой.

– Куда вечером? – поинтересовался я.

– Джинсы с девочками выгуливать. Может, в «Венецию» зайдём.

Видимо, я скривился, раз она затараторила:

– Дождь будет. Музыка хочется. Куда ещё-то?

– В «Венеции» собираются те самые, кто человека камнями готовы забить, – сказал я на прощание. Мне до сих пор нравится эта формула.

Её желание посетить тот проклятый гадюшник я воспринял снисходительно. Когда приехала, была зеркалом – теперь становится стеклом. Обычное дело.

Вечер набухал, воздух, казалось, можно разливать по кружкам, но дождя так и не случилось. Только тьма неба, зашторенного взбитыми облаками.

Я бесцельно побродил в наушниках по знакомым до камня улочкам Платоновска и к десяти был уже около дома. Выли собаки, доносился рёв машин. Из приоткрытой форточки пахло поджаренной картошкой – мама ждала.

– Тусуешься? – услышал я из тьмы бесфонарной улицы. Конев догнал меня, бодро неся позвякивающий пакет. – Духота какая! Ты без Миры?

Я изобразил недоумение.

– Она копошится с вещами после уроков, а ты поджидаешь. Я наблюдал через окно! Не стесняйся, – добавил он. – Всякое желание законно. Относись к собственным чувствам с уважением.

После полуночи (я навсегда в той минуте) позвонил друг и сказал, что Мира попала в аварию и, кажется, умерла.

Она села в машину ко взрослому мужику. У посадки за баней они въехали в столб. Мира вылетела через лобовое, как опорожнённая бутылка.

Недолго думая, я выбрался тайком из дома и пошёл к этому месту. Проявились луна и звёзды, духоты не стало.

Покорёженный «ниссан» напоминал заколотого быка. Хрустели стёкла, пахло бедой. Покурив, я почти сразу двинул обратно, внезапно ощутив смертельную сонливость.

Вдруг у посадки, буквально в дюжине шагов от машины, на муравейнике у клёна я увидел пистолет. Не игрушка! Увесистый и мокрый. Покинутый кем-то.

Его звали как святого.

Сорокалетний, тучный, смешливый, умеренно пьющий, без убеждений, надежд и страхов, только с иллюзиями, совместно с тестем владеющий автокомплексом за храмом. Здесь (ирония) он будет Пьер.

В тот вечер пятницы он выпил пива в «Венеции» и вышел на перекур. Не представляю их

диалог, а Мира не рассказывала. Предложил – согласилась. Такси в Платоновске и теперь нет, а пешком далековато. Они действительно жили на соседних улицах – что такого-то?

Зачем она – брезгливая – с ним поехала? Почему он решил покатасть малолетку? У каждого своя корысть.

И пистолет был его – мне потом рассказали, – подвыпив на шашлыках, Пьер палил из беретты по банкам. Думаю, очнувшись, он сперва швырнул оружие в кусты и только потом – к Мире: её-то куда, перекошенную?

За те три месяца, что Миру держали в больнице, я стрелял из беретты лишь однажды. Интернет обучил сборке-разборке пистолета – появилась уверенность. Перед Новым годом в сухой солнечный денёк в лесу я выстрелил по кем-то слепленному снеговика. Во вместительном магазине осталось четырнадцать патронов.

На обратном пути, вялый от стресса, я встретил Конева.

– Как будто выстрелы, да?

– Где-то там, – указал я.

Поговорили о предстоящих экзаменах, а потом он спросил:

– Миру навестишь? Привезут к Рождеству.

Я пожал плечами.

– После больницы нужно внимание.

– Видели, Пьер ездит на новой тачке? – спросил я.

– Видел. Он будто бизнес продал и финансирует лечение. А она, говорят, ничего не чувствует ниже талии.

В ответ я лишь усмехнулся:

– Отчим Миры квартиру купил, знаете?

Как-то я спросил у Миры, когда же суд.

– Может, и не будет его, – ответила она, не оборачиваясь. Я катал её вокруг дома.

Уже тогда я не верил в исцеление.

– Нужно разрабатывать, – жаловалась мама Миры. – А она кричит. Потяну-потяну и бросаю. Жалко.

Весной весь посёлок узнал, что суда не будет, а к крыльцу дома Миры приварили пандус.

– Он откупился! – поучал я Миру. – У него даже права не отобрали!

– Без денег нет шансов, – твердила она.

Где-то за неделю до экзаменов я решил застрелить Пьера.

Рассчитал, что подкараулю у гаража, подойду вплотную и выстрелю, как в кино. Не забуюсь. Никто не узнает.

Помешал один случайный разговор с Коневым. После уроков, раз уже в третий, он объяснял мне спряжения глаголов. Аридность кабинета

и занудство темы мгновенно доконали нас. Хотелось на волю – к радостным пляскам весны.

– Открой окно. Только не выпади, а то тюрьма мне.

– Откупитесь.

– Нечем! И деньги берут не от всех.

Далее мы предсказуемо заговорили о Пьере. Я заметил, что Конева совсем не будоражит вся эта история. Отсутствие бунта – мне, подростку – казалось неестественным.

– Хорошо бы завалил его кто-нибудь! – вдруг сказал я с облегчением исповедующегося.

– Ничего хорошего. Допустим – ты! Арест, суд, вонючая тюрьма. Жизнь с определившимся контуром. Пьер в могиле. До вас обоих никому нет дела. Всё это вместе называется: справедливость. Не похоже, правда?

– А если не поймают?

– Поймают. И, кстати, убивать нельзя, помнишь?

– Почему? Совесть замучает, как Раскольников?

– Во-первых, может, – помедлив, ответил он. – Во-вторых... – Так и не придумав, Конев лишь улыбнулся и махнул рукой, как платочком.

– Вы же в Бога не верите?

– Нет.

– Тогда почему нельзя?

– Опыт подсказывает, – нашёлся он наконец. – Я с Мирой на дому занимаюсь. Её родите-

ли меня раньше стеснялись, а теперь в соседней комнате жрут, пьют – устали притворяться. Всем плевать. И Мире самой тоже. Свыклась. Впереди только мелочные желания и наивные мечты о чуде. Жажды мщения нет. Ты её серьги с бриллами видел?

– Какие серьги? – не понял я.

– Пьер подарил перед закрытием дела. И взяла, представляешь! Сидит: тощая, ступни серые врозь, пахнет старухой, кресло поскрипывает, зато в ушах – бриллы. Мочки до плеч оттянуты. Ты слишком высокого мнения о людях. Им не нужна справедливость, когда есть бриллы.

Я увидел эти серьги вечером того же дня. Мира их беспрестанно теребила.

– Это вместо позвоночника?

– Мама сказала, что и радоваться чему-то нужно.

– Ну, радуйся тогда, – предложил я.

Окончив школу через два года, я покинул посёлок. Конев уехал в Москву. Мира выкладывает фотки, на которых скрыто кресло. Располнела, особенно ноги. У Пьера новый дом в Платоновске. Жена родила ему вторую дочь. Подозреваю, что он вообще никогда не умрёт.

Пистолет был тайно всегда со мной. Иногда вместе бегали в универ, ночных гостей встречали, оборачивались на окрики из тёмных дворов.

Я берёг его, как тайную мощь для самого страшного часа.

Уже после учёбы в чудовищно-нищую зиму я сдал мою беретту ментам и получил скромную компенсацию. Оказывается, существует такая льгота. Страшновато было, но получилось. Мент радостно тряс мою руку. Продаст по-тихому, думаю.

Расставшись с пистолетом, я будто освободился от бремени. Стал легче.

Отдать бы и остальное, что накопил, да никому не нужно.

май 2023

СВИТЕР

Мой сосед по квартире Мишка блаженно спал (чарующий храп) на матрасе, а я чистил яичко и смотрел в окно на мужика, поглощающего пиво у подъезда дома напротив. Через час экзамен по истории политических и правовых учений. Я слегка волновался. Зато экзамен последний, а дальше лето и то, что называется работа. Впрочем, её ещё нужно найти.

Зазвонил мой телефон, поэтому Миша зашевелился. Я мгновенно ответил на звонок с неизвестного номера, чего лучше, конечно, не делать.

– Юра, здравствуйте. Это Игорь. Сын Александра Сергеевича. Деда Сашки.

С чего на «вы»? В детстве мы с Игорем дружили несмотря на то, что он старше меня лет на пять. Даже вместе с ним и Дедом Сашкой (ему он папа) ездили на ночную рыбалку. В непобедимом зелёном УАЗике пахло бензином, пылью и подгнившими яблоками (закуска на случай). Я поймал двух карасей, с десяток линьков и гигантскую

плотву, а они по ведру нахватили. Игорь, помню, всё равно остался недоволен рыбалкой. То комары его грызли, то спать душно, то телефон не принимал сигнал. Он тогда уже учился в институте и приезжал к отцу из города, куда увезла его мать ещё школьником.

– Привет, Игорь. Что там крест у Деда Сашки? Не упал?

– Какой крест? А! Крест... Да, стоит себе. Только покосился после зимы.

– Земля просела. Нужно его вынуть и установить памятник, а саму гробничку хорошо бы забетонировать, чтобы сорняки не росли.

(Из Деда Сашки.)

– Да, – согласился Игорь. – Только сейчас слегка некогда. Я вот недавно ездил в Платоновку (посёлок нашего детства) и кое-какие вещи забрал из дома.

«Сыновье мародёрство», – подумал я, а вслух сказал:

– Так-так.

– Вы когда с похоронами помогали (Помогал? Я их организовывал!), вы там случайно в доме нигде не встречали такой серый свитер под горло?

Вот оно что! Свитер!

– Нет, – соврал я. – Не видел. Разобрать гардероб времени не хватило.

– Понимаю, понимаю – затараторил Игорь. – Я звоню, чтобы поблагодарить. Спасибо вам! Большое, человеческое! Выручили!

Неужели он год не приезжал на отцовскую могилу? Хотя бы любопытство у него имеется? Ехать-то полтора часа.

Игорь усердно благодарил, спотыкаясь на словах, а я жевал яйцо, боясь опоздать на экзамен. Мишка тем временем проснулся и уставился на меня со своего матраса, как олицетворённая совесть.

– Так не видели свитер? Может, кто-то взял?

– Нет, Игорь. Помочь не смогу. Не видел.

Мы попрощались.

– Что такое? – спросил Мишка. – Менты?

– Нет. Вечером расскажу. Опаздываю. Бывай!

КОНЕЦ ОЗНАКОМИТЕЛЬНОГО ФРАГМЕНТА